

«Мы разгоним к чертовой матери Академию наук», или «У кого наука, у того – будущее»⁸⁹

По возвращении в Москву отец окунулся в гущу дел. Предстоял Пленум ЦК, а вслед за ним – Сессия Верховного Совета.

Пленум ЦК, открывшийся и закрывшийся, в субботу, 11 июля 1964 года, – это пленум-однодневка, собираемый, чтобы формально утвердить, без заслушивания, доклад главы правительства на сессии Верховного Совета обычно о планах народного хозяйства на следующий год или, как в данном случае, с предложениями о пенсионной реформе.

Июльский Пленум заслужил упоминания лишь потому, что это последний Пленум отца. Если верить членам постхрущевского руководства, отец выступал без подготовки, без текста, говорил длинно и чрезвычайно сумбурно и, согласно им же, обидевшись, что академики не поддерживают Лысенко, якобы заявил: «Мы разгоним к чертовой матери Академию наук!» Фраза пришлась заговорщикам очень кстати.

Я приложил немало усилий, чтобы заполучить из архива неправленную стенограмму (правленной просто не существует) выступления отца. Выступление, не такое уж длинное, стенограмма укладывается в двадцать одну страницу, отец заканчивает извинением: «Я промучил вас с час, кажется?» – и тут же закрывает заседание.

Итак, произнес отец сакраментальную фразу или не произнес? Произнес, но в контексте. Говорил он, как обычно в последние месяцы, о сельском хозяйстве, и о назревающей реформе. Академию наук упомянул походя, в связи с недавними выборами ее новых членов, а затем чуть коснулся ее роли как одного из министерств, ответственного за организацию исследований в стране.

Сначала о выборах академиков и членов-корреспондентов, прошедших 24 июня 1964 года, за пару недель до Пленума.

Большинство «толкователей» выступления отца всё сводят к тому, что на выборах Лысенко попытался провести в полные академики «теоретика своего учения», члена-корреспондента АН СССР Нуждина, а сговорившиеся заранее физики, в том числе Андрей Сахаров, его провалили. При этом Сахаров на общем собрании Академии резко и нелюбезно высказал все, что он думает о самом Лысенко и его биологической науке. Лысенко пожаловался отцу, и тот, в угоду Лысенко, пригрозил Академии прикрыть. История эта полна натяжек, «толкователям» то и дело приходится подправлять отца.

Что же произошло на Общем собрании Академии и на Пленуме ЦК? Начну с Пленума. Отец действительно весьма критически и резко высказывается о Сахарове, однако Нуждина не упоминает, говорит не о Нуждине, а о селекционере Василии Николаевиче Ремесло из Мироновской опытной станции, авторе множества сортов пшеницы, в том числе всемирно известной «Мироновской-804». Она да еще «Безостая-1» – сорт Павла Пантелеймоновича Лукьяненко – основа в те годы всего зернового хозяйства страны. Эти сорта обеспечивали прибавку урожая в 15–20 центнеров зерна на гектар при средней урожайности в 11 центнеров.

В Ставрополе вообще побили все мыслимые рекорды, добились урожая в 70 центнеров с гектара, правда, на хорошо удобренных и обильно политых землях.

Судя по тексту, отец кипит возмущением. Ремесло, чьи труды обещают переворот в сельскохозяйственном производстве, академики не только не сочли себе ровней, он не прошел даже в члены-корреспонденты, его с треском провалили при предварительном голосо-

⁸⁹ Первое – вырвавшаяся в сердцах фраза во время спонтанного выступления Хрущева на июльском Пленуме ЦК 1964 года, второе – цитата, или лейтмотив его записки, направленной примерно в тот же период в Президиум ЦК.

вании в Отделении биологии АН СССР. Если читать стенограмму, то не возникает сомнений: отец имел в виду именно Ремесло. Он четко произнес: «Стоял вопрос об избрании членом-корреспондентом (не академиком) В. Н. Ремесло. Он прекрасный селекционер». Отец возмущен несправедливостью и делится своими чувствами со слушателями. Нуждин тут абсолютно ни при чем, отец о нем и не вспоминает.

Проблема выборов в Академию «чистых» и «нечистых», критерии отбора ученых, достойных стать ее членами, своими корнями уходит в вековечное противостояние «истинной» науки и науки прикладной, теоретиков-ученых и практиков-изобретателей.

До середины XX века в советской Академии доминировали «теоретики», на селекционеров, конструкторов и всяких прочих агрономов-инженеров они смотрели сверху вниз. Правительство, в свою очередь, не хотело обижать занятых в прикладной науке главных конструкторов и главных селекционеров, не менее значимых для реальной жизни, чем академические ученые. В результате на Академию постоянно давили сверху. Академиков беспокоило, что таким образом ареопаг «бессмертных» размывался, в их среде появляется все больше «смертных», а стоило таким «пробраться» в Академию, как они тащили за собой целую гирлянду новых «смертных», и от классической Академии скоро мало что останется. Опасения не без оснований. Так уж жизнь устроена. Лицо Академии постепенно менялось, но не скажу, чтобы в ущерб науке.

Для тех, кто не посвящен в академическую кухню, поясню: академиков или членом-корреспондентов выбирают на вакансии, высвободившиеся после смерти одного из «бессмертных», или новые, выделенные правительством соответствующему отделению. В действительные члены Академии выбирают на общем собрании, там голосуют все вместе, биологи за математиков, физики за биологов и так далее. Кто достоин стать членом-корреспондентом, академики решают на заседании «профильного» отделения, а общее собрание только подтверждает их выбор. Государство, давая дополнительную вакансию, обычно обозначает, что оно заинтересовано в избрании определенного кандидата, может оно и пригрозить, что в случае неизбрания вакансию вообще ликвидируют. Но окончательное решение всегда за академиками, и голосуют они тайно. Нередко академики старались протолкнуть на объявленную новую вакансию «своего» кандидата. Отдел ЦК, курировавший Академию, настаивал, торговался, но старался не скандалить. Если их кандидат не набирал нужного количества голосов, а им уж очень хотелось, то после голосования выделяли еще одно «целевое» место, объявлялось новое голосование. Если и тут случалась накладка, то правительство смирялось до следующих выборов. Но это исключение из правил. Чаще все разрешалось к взаимному удовлетворению: академики на одну «правительственную» вакансию проводили своего кандидата плюс получали, притом навечно, еще одну вакансию, правда, ценой разбавления своих «чистых» рядов.

Таких примеров множество. Первым приходит на память физик-ядерщик Игорь Васильевич Курчатов. В 1943 году на выборах в академики его прокатили, избрали на его «персональную» вакансию специалиста в области атомного ядра и космических лучей, разработчика реакторов на тяжелой воде Абрама Исааковича Алиханова. Тогда правительство выделило под Курчатова еще одно место. Назначили новый тур выборов. Курчатов в Академию прошел. В 1953 году не менее драматично в Академию выбирали корифея-авиатора Андрея Николаевича Туполева. Туполев рассказывал отцу, как перед голосованием академики в открытую заявляли: «Жестянки нам не нужны».

На том же общем собрании академии в 1953 году «продвигали» в академики и «бомбистов» – атомщиков, обеспечивших испытание нашего первого водородного заряда, среди них и Сахарова. Их тоже выбирали на специально выделенные вакансии, причем в отношении Сахарова особо оговорили: если его не выберут с первого раза, то вакансию отберут. Выбрали.

После запуска спутника в академики выдвинули Сергея Королева, а его сподвижников, других главных конструкторов, в члены-корреспонденты, естественно на выделенные под них места. Выбрали, но под огромным нажимом. А вот моего шефа, ученого-механика, специалиста в теории колебаний, главного конструктора ракет Владимира Николаевича Челомея, несмотря на давление сверху и поддержку со стороны гениального механика и физикатеоретика Николая Николаевича Боголюбова, математиков Мстислава Келдыша, Леонида Седова тем не менее дважды забаллотировали. В академики он «прорвался» только через несколько лет, и не без проблем. А будь же он чистым механиком-теоретиком, без приставки «конструктор», думаю, с голосованием проблем не возникло бы.

Отец в академические выборы дразги не вмешивался, правда, помощники ему докладывали об основных результатах. Возможно, так же обстояло бы дело и на этот раз. В 1964 году Отделение биологии получило три дополнительных вакансии «полных» академиков с пожеланием избрать на них наиболее достойных селекционеров. Первым в списке стоял упомянутый выше Лукьяненко, заведующий отделом Краснодарского НИИ сельского хозяйства, доктор сельскохозяйственных наук, действительный член Академии сельскохозяйственных наук.

На вторую вакансию претендовал Василий Степанович Пустовойт, заведующий Всесоюзного НИИ масличных и эфиромасличных культур, тоже доктор сельскохозяйственных наук и тоже действительный член Академии сельскохозяйственных наук, столь же знаменитый селекционер, как и Лукьяненко, но только в своей области. Его сорта подсолнечника гремели на всю страну, масло из этих семечек стояло на полках всех советских магазинов.

Замыкал список вызвавший весь этот скандал Ремесло – директор Мироновской селекционно-опытной станции Всесоюзного научно-исследовательского института кукурузы, но всего лишь кандидат биологических наук. О его сортах и других заслугах я уже написал.

С Пустовойтом и Лукьяненко особых затруднений не возникло. Отделение их рекомендовало к избранию в академики, и общее собрание проголосовало «за». А вот с Ремеслом вышла заминка, академиков возмутило вопиющее нарушение субординации, из кандидатов и сразу в академики. К тому же и Ремесло, понимая слабость собственной позиции, поспособствовал своему поражению. Он подал заявку на выборы одновременно в полные академики и в члены-корреспонденты, авось хоть где-то повезет. Не повезло, недовольные академики решили действовать по инструкции, согласно которой рекомендовалось сначала избирать на отделениях членов-корреспондентов. Такой вакансии под Ремесло никто не выделил, его прочили в академики. В результате Ремесло на отделении прокатили, на две свободные вакансии в членкоры из двадцати претендентов прошли Константин Минаевич Рыжиков, доктор биологических наук, старший научный сотрудник Гельминтологической лаборатории Академии наук, и Александр Александрович Федоров, доктор биологических наук, профессор, директор Ботанического института Академии наук, – оба достойные ученые и, что для нас немаловажно, не конкурировавшие с Ремеслом.

Однако после провала выборов Ремесло в члены-корреспонденты выдвигать его в полные академики стало невозможным. С голосования на общем собрании его сняли, и за его неожиданно освободившуюся вакансию завязалась драка. Лысенко, со свойственной ему напористостью, проталкивал своего кандидата Николая Ивановича Нуждина, заведующего лабораторией Института генетики АН СССР наук, члена-корреспондента. По всем формальным критериям он в академики «проходил».

Нуждину противостояли два чудом сохранившиеся после сталинской чистки формальных генетика: доктор биологических наук, член-корреспондент Николай Николаевич Дубинин, заведующий лабораторией Института биофизики Академии наук, куда он только недавно перебрался от Лаврентьева из Сибирского отделения, и Антон Романович Жебрак, завкафедрой 1-го Московского медицинского института имени Сеченова, доктор биологиче-

ских наук, профессор, к тому же академик Академии наук Белоруссии. Они, как и Нуждин, формальным требованиям соответствовали полностью. В их поддержку выступал не только Сахаров, но и другие физики, а вот биологи старались держаться в тени.

Отмечу, что Нуждина сверху не проталкивали, иначе под него бы дали вакансию и скорее всего никакой драки не возникло бы. Сейчас же обе стороны чувствовали себя свободными от обязательств перед правительством и в выражениях не стеснялись.

Осторожные академики их выслушали на общем собрании и предпочли золотую середину, на вакансию, не занятую Ремесло, избрали единственного не вовлеченного в борьбу претендента – Бориса Евсеевича Быховского, паразитолога, доктора биологических наук, директора Зоологического института, естественно, члена-корреспондента, ученого достойного во всех отношениях.

Для справки: Ремесло избран действительным членом АН СССР в 1974 году, ранее он защитит докторскую диссертацию и станет академиком Академии сельскохозяйственных наук. Нуждин так и умрет членом-корреспондентом. Такая вот история с академическими выборами.

Помощник отца Шевченко проинформировал его о выборах Лукьяненко с Пустовойтом и о провале Ремесло, естественно, без деталей, а затем, скорее всего, по просьбе своего друга Трофима Денисовича, рассказал с соответствующими комментариями о столкновении Сахарова с Лысенко. Упомянул ли он при этом Нуждина или нет, не знаю. Нуждин в глазах отца авторитетом не пользовался, он его знал и считал болтуном, человеком никчемным.

«Невыборы» Ремесло отца возмутили до глубины души. Где и против кого выступал Сахаров, он не запомнил и выплеснул свои эмоции на Пленуме, произнес сакраментальную фразу, но тут же и остыл, заключил академический пассаж словами, что «не хочет ворошить это навозное дело».

«Навозная» история с «выборами-невыборами» Нуждина в современной историографии подается в сугубо негативных антихрущевских тонах, как пример засилья власти (читай Хрущева) над Академией. На самом деле сама возможность провала Нуждина и вспыхнувшая вокруг него, без каких-либо последствий, баталия свидетельствовала о происшедших в обществе изменениях. Схлестнулись не столько «хрущевский» протеже Лысенко с диссидентом Сахаровым, сколько академик Лысенко с академиком Сахаровым. В 1939 году такие же физики, математики и другие «чистые» ученые по «просьбе» Сталина безропотно и единогласно избрали Лысенко в академики. Сталину они перечить не смели, а в 1964 году с Хрущевым открыто спорили. Отец морщился с непривычки, порой срывался, но в «навозные» дела не вмешивался, мер не принимал, и вполне осмысленно. Отец отдавал себе отчет: выборы-невыборы – один из элементов демократии, а он твердо нацелился на демократизацию советского общества и отступаться не собирался, даже в академических мелочах. Приходилось терпеть.

Критиков отца ни сам Ремесло, ни истинная история выборов в Академии не интересуют. Их логика: Сахаров протестовал против избрания Нуждина, а отец обрушился на Сахарова, следовательно, он защищал Нуждина, а то, что фамилию он произносит совсем иную, можно и во внимание не принимать. Ведь выступление-то «сумбурное»!

Слова о разгоне Академии наук тоже всерьез, естественно, принимать нельзя, а вот к ее глубокому реформированию отец почти созрел. Долгую историю созревания я затронул в предыдущих главах, посвященных созданию Сибирского научного центра и преобразований Академии в 1959–1961 годах. Вопрос стоял тот же, как сделать академическую науку эффективнее.

Советская Академия наук – явление в мире уникальное. Она не сообщество единомышленников-ученых, а бюрократическое учреждение, поглощавшее все больше и больше ресурсов, и государство считало себя вправе требовать отдачи от вложенных инвестиций.

Отдача же от академических институтов оказывалась меньше, чем от аналогичных исследовательских организаций в промышленности. Эти проблемы поднимали академики-диссиденты, химик Семенов, физик Тамм и другие еще в 1959 году. Тогда часть «прикладных» академических институтов передали в промышленность, заменили президента Академии, на место Несмеянова пришел Келдыш. На этом реформа остановилась, а нерешенных проблем оставался еще целый ворох.

Однажды в моем присутствии отец заговорил с Лаврентьевым об академических институтах.

«Как правило, они создаются под определенного, большого ученого, для реализации его идей. В обиходе их так и называют: Институт Семенова, или Институт Капицы, или Институт Келдыша, или Институт Несмеянова, Зелинского, Лебедева и так без конца. Но ученые стареют, теряют продуктивность, а затем умирают. Институты же остаются, – объяснял Лаврентьев. – В нашей структуре разогнать их трудно, скорее невозможно. Гарантий, что на место Капицы или Зелинского придет ученый равного калибра, нет, и надежды на это питать не стоит. Директором становится его заместитель, по своему складу не большой ученый, а помощник, “правая рука” большого ученого, все достоинства которого сводятся к умению ограждать шефа от докучливых рутинных забот и выбивать из государства ресурсы. Пока он ходит в помощниках, он – на своем месте, их симбиоз весьма продуктивен, шеф творит, а все остальное ложится на плечи доверенного заместителя. Независимый творец шефу не нужен, у него самого идей достаточно, двоим творцам в одних стенах не ужиться. Поэтому доверенный заместитель никогда не покушается на творческие прерогативы шефа, зато подгребает под себя все остальное. Настоящим шефом он стать не способен по определению, после смерти “творца” становится крепким директором. В результате рассчитанные на гения, созданные под гения, академические привилегии, обеспечивающие свободный полет мысли, наследники гения превращают в синекуру. Одно дело Институт физических проблем с директором Петром Капицей и научным сотрудником Львом Ландау, институт, где академика Евгения Лифшица можно держать за “Женьку” потому, что он ничего “такого” не открыл, лишь написал, да еще в соавторстве, пятитомный, почти гениальный учебник теоретической физики. “Эка невидаль!” И совсем другое дело – тот же институт, но без Капицы, без Ландау и даже без Лифшица – добротный серый академический институт с добротными серыми научными сотрудниками, далеко не дотягивающими даже до “Женькиного” уровня. Мало того что институт Капицы без Капицы не институт, но если и появится новый Капица, то ему в нем уже в люди не выбиться, место занято. Институт существует, и директор-академик в кабинете сидит. На президиуме академии он легко докажет, что нет смысла в дублировании. Он обосновался в кабинете Капицы, он его наследник, и ему поверят, а не “самозванцу” со стороны».

Отец внимательно слушал Лаврентьева.

«Но и это еще не все, – продолжал Лаврентьев, – директор академического института по положению обязан стать членом академии, академиком. Раньше под академика создавали институт, где он по праву становился директором, а теперь директора, в силу одной лишь должности, выбирают в академики. Так академия из “клуба бессмертных” шаг за шагом превращается в рядовую бюрократическую контору, в застойное болото, наука подменяется наукообразием, ученые – чиновниками с академическими регалиями».

По мнению Лаврентьева, не конструкторы и селекционеры из прикладной науки грозят будущему академии, а ее естественное вырождение. Так выродились египетские фараоны, женившиеся исключительно на собственных сестрах.

Если сравнить научные заслуги академиков начала и середины XX века с началом XXI, то становится очевидным, что Лаврентьев, а вслед за ним отец, беспокоились не напрасно.

Лаврентьев считал, что прикладные исследования целесообразно отдать под патронаж промышленности, они сами решат, что им полезно, а что нет. «В Екатерининские времена, когда Академия наук была единственным центром научной мысли, естественно, только вокруг нее концентрировались научные учреждения, – соглашается с ним отец. – Теперь совершенно иное положение. Наука не может развиваться, не опираясь на производство. Производство останется недвижимым без опоры на науку». Тем самым доводилась до логического завершения реформа, начатая с подачи Капицы – Семенова – Тамма в 1959–1961 годах.

Но это только часть проблемы, оставалась фундаментальная наука. Ведомствам она не ко двору, там она просто зачахнет. Как увеличить эффективность фундаментальных исследований и одновременно не пускать деньги на ветер?

«Без науки нет движения вперед, у кого наука, у того – будущее, – говорил отец в одном из своих выступлений, – но нельзя злоупотреблять добрым отношением народа к науке! Давайте, товарищи, будем сдержаннее и разумнее в создании все новых, новых и новых институтов в составе Академии наук. Конечно, надо развивать теоретические исследования, но не надо бояться ликвидировать, оторванные от жизни институты. Институты Академии наук сидят на государственном бюджете. Если в этом году Академия получила столько-то средств, то на будущий год она непременно просит больше, независимо, есть ли рост в науке, что она дала государству. И получается, что отдельные академические институты растут только по расходу средств.

Надо разобраться повнимательнее, приостановить неоправданный рост академических институтов, наладить координацию их работы. Оценивать ее следует не по числу штатных единиц, а по поднимаемым и решаемым научным проблемам».

Так где же выход? Как поступить с фундаментальной наукой?

Отец считал, что ее место в университетах. Лаврентьев подтвердил, так устроен западный мир. Если передать соответствующие академические институты высшим учебным заведениям, то страна окажется в выигрыше, а для выдающихся ученых, таких, как Семенов, Несмеянов, мало что изменится, все они и сейчас не только занимаются исследованиями, но преподают, кто в МГУ, кто в Физтехе, кто в Химико-технологическом институте имени Менделеева. А в случае если их место, теперь уже в университете, займет преемник, пусть не гениальный, а просто добротный ученый, то тоже невелика беда, пусть открытий он и не сделает, но студентов выучит и какие-то исследования по заказам сможет вести. Отец тут припомнил свой разговор в мае 1964 года на Британской выставке с профессором Эдинбургского университета Клэйтоном – он и преподает, и одновременно занимается исследованиями по заказам фирмы «Коббс», причем за ее счет, из госбюджета денег не требует, и платят ему за результат. Так же поступают и американцы, их ученые работают в университетах, независимых научных центрах, кое-кто в компаниях, и весьма успешно работают – большинство открытий и изобретений в XX веке сделано США.

«Появится же новый гений, – продолжал отец, – в “своем” университете он “под себя” создаст сначала из студентов, а потом из лучших выпускников собственный научный коллектив. Возникнет самовоспроизводящийся научный процесс, и в Академию его выберут не по должности, а за ум. Существующая сейчас бюрократическая структура Академии наук развеется сама собой, она вернется в статус привилегированного клуба ученых, куда принимают исключительно за талант и научные заслуги, то есть станет такой, какой ее задумывали при Петре I».

Вот, собственно, и весь разговор. С отцом соглашался не один Лаврентьев. Его поддерживали, с некоторыми оговорками, и академик Борис Патон, и президент Академии наук Келдыш, и директор Института математических методов в экономике Федоренко, и не только они.

11 апреля 1963 года выходит Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий наук союзных республик», констатирующее, что Академия «еще не стала в полной мере центром по координации и руководству исследованиями в области естественных и общественных наук в стране». Постановление немного сократило численность некоторых «неимоверно разбухших» академических институтов, но кардинального решения не предложило, только поставило вопрос. Ответ на него предстояло искать сообща.

В апреле 1963 года в аппарате Демичева, секретаря ЦК, ведавшего наукой, собирают воедино высказывания Хрущева по этой проблеме и составляют проект записки в Президиум ЦК. Это уже вторая попытка, первую редакцию от 9 января 1963 года отец забраковал, а эту, доработанную, решил разослать на апробирование в Президиум Академии наук, Совет по науке и Госкомитет по координации научно-исследовательских работ. В записке говорится, что «за истекшие десять лет в стране организовано много новых исследовательских организаций, количество научных сотрудников возросло почти в два с половиной раза, расходы на научные исследования с 1950 года увеличились примерно в пять раз, до 4,7 миллиардов рублей в год, достигнуты впечатляющие результаты, но, как правильно писал в газете “Известия” академик Б. Е. Патон, среди огромного количества тем, разрабатываемых в институтах, много надуманных, бесперспективных, не представляющих никакой ценности».

Далее авторы сетуют на недостаточную координацию научных исследований, как со стороны Госкомитета, так и Президиума Академии, предлагают усилить специализацию, а научные степени докторов и кандидатов наук присваивать не за диссертации, а в зависимости от личного вклада «в коллективные разработки важных народнохозяйственных проблем и написание капитальных научных трудов», считают, что «надо изменить систему оплаты труда научных работников». Глупо платить за степень, оплате подлежит результат. Сталин в свое время предложил платить научным работникам за звания и степени. К чему это привело? В науку хлынул поток людей, у многих из которых нет ни призвания, ни способностей. Кандидатскую диссертацию, при хорошем научном руководителе, защитить нетрудно, а дальше кандидат наук обеспечен приличной зарплатой на всю жизнь. «Распространился афоризм: “Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан”».

«Заслуживают внимания предложения математика и механика академика Ивана Векуа о приобщении студентов к научной работе еще в период обучения, что поможет активно отбирать способную молодежь.

...Следует подумать о более эффективном использовании ученых вузов, об организации проблемных и научно-исследовательских лабораторий...» – и так далее на четырнадцати страницах.

В заключение предлагалось ввести «предельный возраст для занятия административных должностей в науке, но не уточнялось какой, достигших его ученых переводить в консультанты», а также высказывалось сомнение в правильности слияния в ЦК отделов науки и идеологического, там теперь «главенствует идеология, а подотдел науки находится на положении бедного родственника, целесообразно воссоздать в ЦК самостоятельный Отдел науки и учебных заведений».

«Надо сделать все, чтобы расчистить дорогу плодотворному развитию советской науки, – призывают авторы записки и повторяют слова Хрущева: – Мы не можем забывать: у кого наука, у того будущее!»

Первым, уже 6 мая 1963 года, на записку откликнулся президент Академии наук Келдыш, он одобрительно отозвался о предлагаемых нововведениях, отметил необходимость более оперативной информации советских ученых о достижениях в мире, что потребует увеличения выпуска различных, в первую очередь реферативных журналов, а вот перевод ака-

демиков в «отставники-консультанты», по его мнению, старшее поколение ученых воспримет «очень болезненно». Оно и понятно, кадровые вопросы самые тяжелые, и ложились они целиком на его, Келдыша, плечи. Но отец и не настаивал, с одной стороны, он выступал за омоложение науки, с другой – приводил в пример «пожилых академиков, вроде Константина Скрябина, который в свои 80 лет не уступает многим молодым».

Президенту Академии наук Украины академику Патону записка тоже понравилась, он получил ее наряду с Келдышем. В частности, при присуждении научных степеней Борис Евгеньевич считал необходимым «разделить кандидатские и докторские диссертации, докторские степени присваивать без защиты, за оригинальную монографию, описание открытий и изобретений, цикл работ».

Академик Лаврентьев в своем ответе написал: «Научную работу в вузах действительно можно активизировать. Но это можно осуществить только при условии привлечения к преподаванию всех ученых, работающих в Академии наук и отраслевых институтах. Это мероприятие резко поднимет науку в вузах, расширит фронт научных исследований и повысит научный уровень молодых специалистов, приблизит их к современному состоянию науки и техники. Необходимо более активно привлекать студентов к научно-исследовательской работе».

И Лаврентьев, и отец пока не произносят слова «передать академические исследовательские институты в вузы». До того как принимать решение, необходимо продумать все детали.

Одна из серьезнейших проблем – организационная, и в будущем не обойтись без координации научных исследований, выбивания ресурсов, просто бюрократической рутины. Сведение воедино всех научных исследований в стране, а не только в Академии наук, предполагается поручить межведомственному комитету, наделив его соответствующими полномочиями. Собственно, такая структура уже существует – Госкомитет по координации научно-исследовательских работ СССР, вот только со своими обязанностями нынешний комитет не справляется, места своего не находит, подменяется во многом Президиумом Академии. Главе комитета, своему заместителю Константину Николаевичу Рудневу, отец последнее время все чаще выражал неудовольствие. Вот и сейчас, в отличие от академиков, Руднев отреагировал на проект записки бюрократической отпиской с подробным перечислением принятых Постановлений ЦК и Совмина, своеобразным отчетом о работе Госкомитета, но без каких-либо предложений по существу.

«В науке идет невероятная драка между учеными, – зывал отец к Рудневу на заседании Президиума ЦК 10 ноября 1963 года. – Рождается новое, и оно, как ребенок, пробивается к свету, кричит. Вы должны этот крик услышать, помочь им и деньгами, и оборудованием. Не получается – приходите ко мне. Вы же ни разу не обратились к своему председателю, не сказали: “Товарищ Хрущев, помогите справиться с этими «варварами» – с Косыгиным и Микояном, не дающими средства на продвижение нового в свет”. Вы не поддерживаете ростки нового, а их глушите.

Новые мысли рождаются не по плану. Ученые на вас жалуются: “Мы к нему приходим, а он отвечает: планом не предусмотрено”. Возможно, вы не на своем месте. Министром вы были хорошим... Так иногда случается, но дальше продолжаться не может».

Бывший министр оборонной промышленности, один из лучших министров в кабинете отца, Руднев новое дело проваливал. Одно дело – разработка и производство ракет или пушек, и совсем другое – объединение под своим крылом всей науки. Рудневу не хватало ни кругозора, ни авторитета среди академиков, ни чутья, ни способности из сонмища предложений, обрушивающихся ежедневно на его голову, выделить то единственное, за которым будущее. Как ни прискорбно, но Рудневу приходилось искать замену.

Кого отец прочил на место главного координатора науки в стране? Президента Академии наук Келдыша? Или академика Бориса Патона? Они оба и ученые с большой буквы, и незаурядные администраторы. В этом отец за многолетнее общение успел убедиться не раз. Или он намечал еще кого-то, кого я просто не знаю? Сейчас на этот вопрос уже не ответить.

Замыкаться будущему «координатору всех наук» предстояло на отца опосредованно, через уже созданный при главе правительства Совет по науке, его председателя академика Лаврентьева и дюжину членов – самых продуктивных советских ученых. Я уже называл их имена. Если они не справятся с задачей, то и никто не справится.

Дело постепенно начало раскручиваться, 7 февраля 1963 года образовали совет, а уже 14 марта 1963 года с его подачи ЦК и правительство выпустило Постановление «О дальнейшем развитии научно-исследовательских работ в высших учебных заведениях» – первый шаг к грядущему перемещению центра тяжести теоретических исследований в университеты и институты.

Присланные замечания обобщали секретари ЦК Демичев и Ильичев. 10 июня 1963 года они представили Хрущеву заново отредактированный текст. Собственно, только он сейчас доступен для исследований, и его я цитировал выше.

«Тов. Хрущеву доложено. 29 августа 1963 года. Отложить», – написал на документе помощник отца Шуйский. Через год, 15 августа 1964 года, он сделал новую запись: «...Эти материалы по науке можно положить в архив. Будет представлен новый проект». Видимо, чем-то отец остался неудовлетворен, возможно, хотел еще поговорить с академиками, посоветоваться с Лаврентьевым, а затем передиктовать записку по-своему.

Как? Нам остается только гадать. Дальше дело не пошло, Хрущева сняли, обвинили «в попытке развалить советскую науку». Вот, собственно, и вся история.

Я вынес в заголовок две фразы из высказываний отца, пусть читатель сам выберет себе по вкусу.